

Вторая любовь

МОЛОДОЙ человек с открытым дружелюбным взглядом, с фигурой спортсмена вошел в декорационную мастерскую. На холсте, разложенном на полу, парень в рабочей блузе писал декорации. Вошедший, прищурясь, смотрел на холст, затем молча взял свободную кисть, посмотрел на эскиз, прикрепленный на стене, и уверенно наложил несколько живых бликов на декоративную зелень.

— А, понятно, — сказал ему работник мастерской. — Вы — художник этого спектакля.

— Почти, — ответил незнакомец, весело сверкнув беззубой улыбкой.

С тех пор прошло около сорока лет. Виски этого человека стали серебряными, но взгляд, движения, голос по-прежнему полны молодости и обаяния.

Вот он сидит дома за столом и задумчиво перелистывает небольшую тетрадку. Потом быстро и решительно подходит к мольберту, берет кисть. На холсте — незаконченный мужской портрет: белоснежные растрепанные волосы, ворот сорочки расстегнут.

Нет, мы не в мастерской художника, и наш герой работает не над портретом, а над... ролью.

Войдите в Театр имени А. С. Пушкина во время спектакля «Перед заходом солнца» Г. Гауптмана, поставленного А. Мюзилем. Зрительный зал бурно аплодирует Николаю Симонову, когда Маттиас Клаузен пробуждается к новой жизни, находит в простой

девушке Инкен живое воплощение добра, бескорыстия и доверия. Зрители кипят от негодования, когда дети Клаузена — циничные, жадные, хищные — делают все, чтобы предать отца гражданской смерти, чтобы погасить свет его жизни. Мы подчиняемся магической, чарующей силе таланта Николая Константиновича. Кажется, что в актере бьется каждый нерв, что все его чувства рождаются сейчас, устремляясь бурно и стремительно в зал. Большинство зрителей знает, что этому предшествует длительный, напряженный процесс репетиций, поисков, разочарований... Однако не все знают, что внутренней силой и художественной завершенностью сценических портретов Симонов обязан не только своему актерскому таланту, неустанной работе, а и любви к живописи.

Еще в 1918 году с путевкой Самарского отдела народного образования молодой волжанин прибыл в Петроград на учебу в Академию художеств. Три года проучился он у такого крупного живописца, как А. Рылов, а в 1922 году оставил академию и поступил в Институт сценических искусств, в мастерскую Л. С. Вивьена.

И вот новые страницы биографии Симонова, с которых смотрит серия ярких, живых, вдохновенных образов, созданных в Театре имени А. С. Пушкина: военком Мехоношев, Братишка, Вершинин, Борис Годунов, доктор Астров, Федор Протасов, Сатип, Сальери и многие другие.

Когда Николай Симонов выходил на сцену в роли Бориса Годунова, зритель верил каждому слову, каждому жесту актера, слившегося с образом мятувшегося, жаждущего власти Бориса, жестоко расплачивающегося за свое честолюбие.

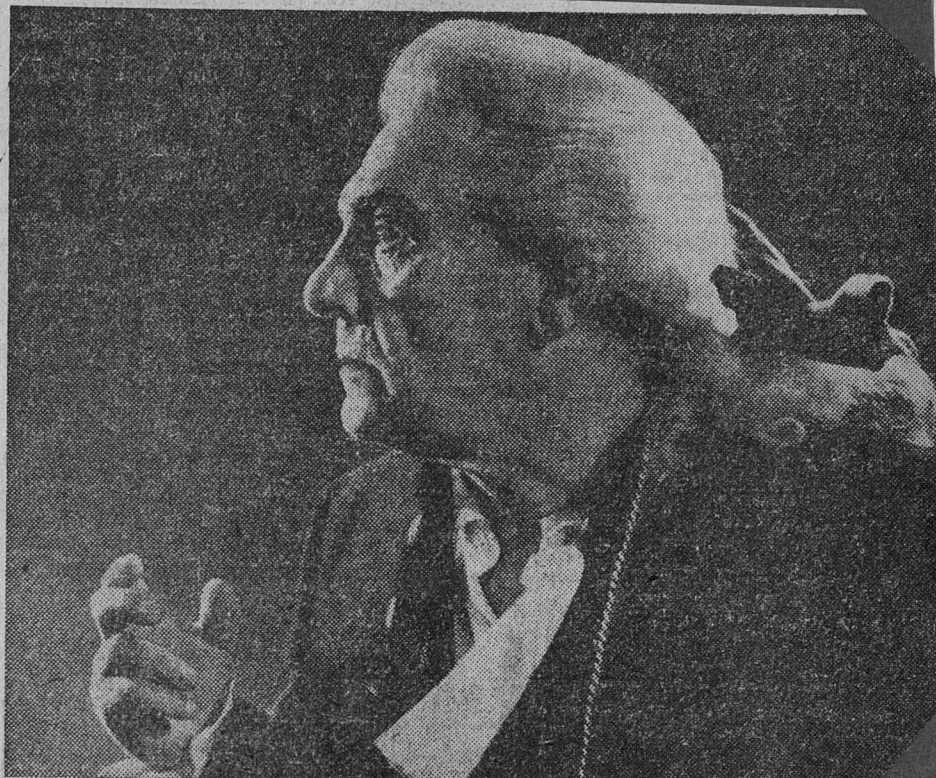
Шестой уж год я царствую

спокойно.

Но счастья нет моей душе, — проникновенно, горько произносил артист, и в его воображении, очевидно, вставал зрительный образ урюжского человека в парче, с тяже-

лым взглядом, которого он нарисовал в ту пору.

Чеховским мироощущением, чеховскими раздумьями о судьбе мыслящего человека в пору сумерек жизни русского общества был полон образ Астрова в «Дяде Ване». Романтическим порывом к прекрасному, страстной мечтой об ином, светлом будущем звучали его слова о лесах. И в это же время Николай Константинович, повинувшись своей второй любви — любви к живописи, писал одну за другой картины северной русской природы. С большим настроением, с

любвью к родным просторам изображены у него и прохладные сумерки соснового леса, и цепкие заросли еловой чащи, и бескрайняя синь неба и моря, и буйные маки, и «цветики стенные» — темно-голубые колокольчики.

То замирает, то взрывается аплодисментами зрительный зал во время представления «Моцарта и Сальери». Симонов — Сальери и завистлив, и безжалостен, и тщеславен, и в то же время чувствует силу и красоту длинного искусства, любит в Моцарте его светлый мажорный талант. Герой Симонова многогранен, как сама жизнь. И, быть может, эти разные актерские краски Николай Константинович подчас нашел в те минуты, когда дома одна за другой ложиться краски на холст.

...Закончился спектакль. Актер разгримировывается перед зеркалом. Завтра у него нет репетиции. И он уже мысленно видит начатый им рисунок Маттиаса Клаузена. Утром он добавит несколько штрихов, чтобы острее передать бунт Клаузена против окружающего зла, против детей. А потом все это снова выльется в неуправляемый поток вдохновенных чувств на сцене.

О. ПЕРСИДСКАЯ

На снимках: сверху — народный артист СССР Н. К. СИМОНОВ в роли Сальери; внизу — Николай Константинович Симонов у себя дома во время работы над ролью. Фото Д. Мовшина

24 MAR 1963

Ленинградская правда

Ленинград